

Т.А. Богумил¹

Алтайский государственный педагогический университет

ЕРМАКОВ СЮЖЕТ В ТВОРЧЕСТВЕ В. М. ШУКШИНА²

«Общее место» шукшиноведения – устойчивый интерес писателя к личности Степана Разина. Для автора-сибиряка характерно обращение к знаковой персоне «сибирского текста» – Ермаку. Однако присутствие Ермака в произведениях В.М. Шукшина не очевидно. Типологическая близость Ермака и Разина (отсюда контаминация сюжетов в фольклоре) в творчестве Шукшина реализуется как отцовско-сыновьи отношения персонажей, воплощающих «ермаков» и «разинский тип». Ермак выполнил созидательную миссию, расширив границы России. Разин же был разрушителем государства. В подтексте семейных отношений лежит библейский сюжет о блудном сыне. На отцовско-сыновьи связи проецируются также «комплекс Гамлета» (В.Н. Турбин), актуальный в условиях тоталитарного государства и репрессий по отношению к «отцам». В мире Шукшина Ермак ассоциируется с Агасфером, Прометеем и Одиссеем. Ермаков сюжет трансформируется: герой не тонет, спасается, отец символически возвращается к сыну.

Ключевые слова: архетип, двойничество, Ермаков сюжет, мотив, В.М. Шукшин, Ермак, Стенька Разин, сибирский текст, Сибирь, трансформация.

T. A. Bogumil

Altai State Pedagogical University

ERMAK'S PLOT IN V.M. SHUKSHIN'S WORKS

Shukshin has a steady interest in the person of Stepan Razin, it is the "common place" of Shukshin studies. It is typical for the Siberian authors to appeal to Ermak, who is the iconic person of the "Siberian text". However, Ermak's presence is not obvious in Shukshin's works. Ermak and Razin are typologically identical similarity (compare the contamination of plots in folklore). In Shukshin's creative world this identity is realized as "father-son" relations of characters

¹ Татьяна Александровна Богумил, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта №16-14-22001 «Семиотика пространства в региональной литературе: особенности геопоэтики В. М. Шукшина».

embodying the "Ermak" and "Razin type." Ermak was a creator, he expanded the borders of Russia. Razin was the destroyer of the state. The subtext of family relations is the biblical story of the prodigal son. The "Hamlet complex" (Turbin V.N.), which is actual under the conditions of a totalitarian state and repressions against "fathers", is projected onto "father-son" ties. In the world of Shukshin Ermak is associated with Agasfer, Prometheus and Odysseus. Ermak's plot is transformed, the hero does not sink, the father symbolically returns to the son.

Keywords: Ermak's plot, motif, V. M. Shukshin, Stenka Razin, Ermak, Siberian text, Siberia.

Ермак, стоящий «на диком берегу Иртыша» (К.Ф. Рылеев), – один из знаковых образов сибирской культуры. Здесь выразилась сущностная черта периферийного пространства и его культурного героя, – преодоление границы. Взаимное тяготение Зауралья и маргинального субъекта, им овладевающего, привело к возникновению весьма продуктивного сюжета [Анисимов, 2005, с. 64-68]. Ермаков сюжет, повествуя об истории покорения Сибири и гибели Ермака, вошел в фонд общерусских сюжетов [Янушкевич, 1997, с. 41], сохранив географическую приуроченность, более того, заложив фундамент «сибирского текста» русской литературы [Анисимов, 2005, с. 81].

Историческую информацию о Ермаке ввели в общероссийский научный и читательский оборот Г.Ф. Миллер («История Сибири», 1750) и Н.М. Карамзин («История государства Российского», 1821). Казачий атаман и его войско пошли на службу к торговым людям Строгановым, чтобы охранять границы русских поселений за Уралом от набегов татар. Ермак был умелым предводителем, вел освободительную политику по отношению к покоренным ханом Кучумом племенам, что позволило ему в 1582 году завоевать столицу Великого ханства, Сибирь. На пике военного успеха и славы Ермак попал в засаду и бурной ночью утонул в притоке Иртыша. Роковую роль при этом, якобы, сыграли металлические латы, подаренные атаману Иваном IV в знак благодарности за присоединение Сибири.

Вслед за летописцами писатели XVII века рассматривали экспедицию казачьего атамана как главное событие всей сибирской истории, предопределенное божественной волей. «Богоизбранное» войско, перейдя границу Уральского пояса, с легкостью завоевывало «грешную» языческую землю, дабы ввести ее в состав Святой Руси путем христианизации. «Чужой» этнос представлялся «диким»,

«басурманским», звероподобным, тогда как ценность новоприобретенной территории доказывалась идиллически изобильными списками представителей флоры и фауны, рек, городов, островов [Чмыхало, 2001].

Ермак стал национальным героем, воспетым в народном эпосе, исторических песнях. В фольклоре фигура казачьего предводителя подверглась контаминации с образами вольных разбойников, бунтарей (Стенькой Разиным и Емельяном Пугачевым) и царя Ивана Грозного (сюжет о взятии Казани) [Анисимов, 2005, с. 60-74]. Контрастный переход от славы и побед к поражению и смерти на вершине удач, трагическая роковая предопределенность, социальный протест, оппозиционность обществу и власти, вольность, нравственное преображение, раскаяние «разбойника» и прощение царем, экзотический сибирский хронотоп – все это давало богатую пищу воображению романтиков [Манн, 2007, с. 322-326].

Рассмотрев бытование сюжета о Ермаке от истоков вплоть до середины XIX века, К.В. Анисимов резюмировал: «В региональной словесности Сибири, расценивавшей поход казаков 1581 г. как начало истории края, образ Ермака мог быть, с одной стороны, продуктивной идеологемой, своего рода «первомоделью» сибиряка – отважного и независимого авантюриста. С другой стороны, обращаясь к получившей всероссийскую известность теме завоевания Кучумова ханства, сибирский автор мог видеть в ней знак неповторимости истории русского Востока. <...> ... основа сюжетной структуры почти всегда оставалась неизменной. В самом общем виде она предстает как последовательность мотивов выхода героя вовне / преодоления преграды (границы), обретение нового качества личности: в фольклоре – царственного, а в древнерусских памятниках – сакрального статуса. Областная культура дополняет этот спектр вариантов идей появления сибиряков, новой разновидности русского народа, склад характера и традиции которых во многом производны от культурного облика казаков эпохи Ермака» [Анисимов, 2005, с. 94-95].

Обращение к Ермакову сюжету в явной или скрытой форме характерно для сибирской словесности. Вполне ожидаемо появление этого сюжета или его элементов в творчестве В.М. Шукшина. Между тем образ Ермака в его прозе почти совсем затмевается образом Степана Разина, воплощающим общенациональный, а не сибирский характер [Гончаров, 2010; Тортунова, 2008]. Как и в фольклорной

традиции, происходит контаминация сюжетов, создается обобщенная фигура «вольного казака». Двойничество Ермака и Разина связано с их землячеством, социальным статусом, мотивом завоевания чужой страны (реализованным и потенциальным: Разин, якобы, планировал захват Крыма) и мотивом прощения разбойника царем. У Шукшина тождество этих личностей проявляется в нескольких произведениях. Например, в киноповести «Печки-лавочки» (1975) потомственный сибиряк (= Ермак) Иван Расторгуев в сновидческом пространстве предстает Стенькой Разиным (5, с. 284-285)¹.

В киноповести «Калина красная», как подмечено А.И. Куляпиным, с Разиным напрямую сравнивается Егор Прокудин (кстати, «отрицательный» Губошлеп прозрачно соотнесен с Пугачевым). В то же время герой сопоставляется и с Ермаком (отметим параграмму имен, повтор звуков [йэ], [р]). Егор едет из европейской части в Сибирь, скорее всего, на Алтай. Едет он «завоевывать» Сибирь. Как сам говорит: «брать две пары валенок» у Любы. Успешно эту Сибирь (Любу) завоевывает, но гибнет. Завоевание страны-женщины является одним из традиционных мотивов Ермакова сюжета [Сиренко, 2009], задействованных, к примеру, в поэме П.П. Ершова «Сузге». В поэме упомянуто предание сибирских аборигенов, которые считали, что березки в Сибири появились вместе с Ермаком. Этот контекст в какой-то степени объясняет подчеркнутую любовь Егора Прокудина к березкам².

Е.В. Черносвитов, комментируя рассказ «Митька Ермаков» («Сильные [смелые] идут дальше...», 1970), прочитывает детали «девушка в штанишках» и «набежавшая волна» как аллюзии на утопление Разиным персидской княжны, а фамилию Митьки (Ермаков) как ассоциацию с Ермаком [Черносвитов, 1989, с.165-167]. Добавим, что к Ермакову сюжету отсылает также мотив гибели героя в водах Сибири (почти состоявшейся) и топика «бурного пейзажа» [Эпштейн, 1990, с. 144-145]: «Всю темную, осеннюю ночь ровно и сильно дул ветер. Байкал к утру здорово раскачал. Утром ветер поослаб, но волны катились высокие – Байкал сердито шумел, хлестал

¹ Все цитаты и ссылки на тексты писателя приводятся по этому изданию: Шукшин, В.М. Собрание сочинений: в 9 т. / В.М. Шукшин. – Барнаул: ИД «Барнаул», 2014. В круглых скобках указан номер тома и страницы.

² Благодарю А.И. Куляпина за эти наблюдения, изложенные в электронном письме.

каменистый берег, точно на нем хотел выместить теперь всю злость, какую накопил за тревожную ночь» (5, с. 79).

Шукшин трансформирует Ермаков сюжет – его герой не тонет, спасается. Так же, как героически направив горящий грузовик в воду, в последний момент выпрыгивает из обреченной машины Гринька Малюгин, «чудик», подобный Митьке Ермакову. Трансформация сюжета наиболее наглядна в апокрифе, который рассказывает своему приемному сыну Афоньке Степан Разин в киносценарии «Я пришел дать вам волю...»:

«– Он давно был, Ермак-то? – сказал Афонька.

– Давно. Сто лет прошло. Ты слушай, однако. Много, говорит, я за свою жизнь чужой крови пролил. И нет мне смерти за то. Думают, что я в Сибири, в реке утонул. А я живой и не могу помереть за грехи. Царь простил меня, а бог не простил. Бог не может простить, – продолжает Степан. – И теперь каждую ночь приползает к нему змея и сосет кровь из сердца. И он не может убить ее: одну убьет, две приползут. И будут они сосать его кровь столько, сколько он на своем веку чужой пролил.

– И никто-никто не может убить змею?

– Может. Но тада тот человек примет на себя все грехи Ермака. Он просит. Он давно просит... Никто не хочет.

– Кто-нибудь найдется, – убежденно сказал Афонька.

– Можя, найдется» (4, с. 391).

Прервать вечные страдания Агасфера-Прометея-Ермака и стать его двойником, сыном не по крови, но по духу, способна личность титаническая – Степан Разин.

В рассказе «Стенька Разин» (1962) сотворение фигурки Разина предваряет вырезанный из дерева смолокур, который «поет» песню про Ермака Тимофеевича. Имеющаяся здесь хронологическая последовательность появления персонажей отражает их преемственность по отношению друг к другу. Прецедент прощения разбойного казачьего атамана Ермака царем Иваном Грозным за присоединение Сибири к России становится потенциальной моделью поведения Стеньки Разина в романе В. М. Шукшина «Я пришел дать вам волю...» (1970). Во время казачьего круга кто-то предлагает: «Пошлем к царю с топором и плахой – казни али милуй. Помилует! Ермака царь Иван миловал же...» (4, с. 12). «Сибирь для Разина – это Ермак, его спасительный путь, туда он ушел от петли. Иногда и ему приходила мысль о Сибири, но додумать до конца эту мысль он ни

разу не додумал: далеко она где-то, Сибирь-то. Ермака взяли за горло, он потому и двинул в Сибирь, Степан сам пока держал за горло...» (4, с. 279).

При всей типологической близости фольклорных образов двух атаманов между историческими их прототипами есть существенное различие: Ермак действовал в интересах государства, выполнял охранительную и созидательную миссию, тогда как Разин, возглавив народное восстание, был разрушителем государственных устоев [Анисимов, 2005, с. 60-61]. Единство и полярность казачьих предводителей, их несовпадение во времени и по исторической роли выразилось в творчестве В.М. Шукшина как отцовско-сыновьи отношения персонажей. Так, в рассказе «Степка» (1964) Ермолаем зовут отца сбежавшего из колонии Степана (по одной из версий, Ермак – сокр. от Ермолай); в автобиографичном рассказе «Дядя Ермолай» (1971) брат отца замещает репрессированного родителя, выполняет отцовские функции по отношению к заблудившимся и завравшимся подросткам, Гришке и Ваське. Отец – хранитель традиции, закона, моральных норм. Сын – отпавший от отца, но и вернувшийся к нему. В подтексте семейных отношений – библейский сюжет о блудном сыне, символ отношения Бога и грешного человека.

Авторская самоидентификация со Степаном Разиным, многократно становившаяся предметом рефлексий шукшиноведов, в контексте реальных и символических семейных отношений может быть прочитана как сыновство. В условиях тоталитарного государства, разлучавшего отцов и сыновей, по мнению В.Н. Турбина, актуализируется «комплекс Гамлета», т.е. «духовное влечение к отцу, особенно же, если он был убит; встреча с тенью его», «стремление во всей деятельности своей, во всех помыслах, руководствоваться его напутствием» [Турбин, 1994, с. 135]. Так в творчестве В.М. Шукшина Ермаков сюжет становится сюжетом об отце и сыне, смыкается с библейским сюжетом о блудном сыне и шекспировским сюжетом о Гамлете.

Подмена мотива гибели в опасных водах несостоявшейся смертью может быть объяснена обращением к еще одной архетипической паре «отец-сын». В.М. Шукшин полагал, что имя его отца означает «путевой» (9, с. 33), хотя достоверна другая этимология – «блаженный, счастливый» (греч.). По В.И. Далю, так «плутов зовут». Фразеологизм «Куда Макар телят не гонял» тождественен выражениям «за тридевять земель», «на кудыкину гору» и другим подобным перифразам мира мертвых [Пропп, 2000, с. 241-253]. Пучок

мотивов, связанных с именем Макар, позволяет соотнести его с хитроумных Одиссеем, путешественником по пространствам смерти [Фрейденберг, 1997, с. 232]. Телемах встречается с родителем, вернувшимся из потустороннего царства. В.М. Шукшин преодолевает детскую травму, обретает в своем творчестве репрессированного, но «не утонувшего» отца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анисимов, К. В. Типологические и функциональные аспекты сюжета о Ермаке / К.В. Анисимов // Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: особенности становления и развития региональной литературной традиции. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2005. – С. 58-96.

Гончаров, П. П. Разин и «разинский тип» в прозе В.М. Шукшина: между разбойником и заступником: монография / П.П. Гончаров, П.А. Гончаров, Е.Л. Стрыгина. – Мичуринск: LAP, 2012. – 176 с.

Манн, Ю. В. Русская литература XIX века. Эпоха романтизма: учебное пособие / Ю.В. Манн. – Москва: Изд-во РГГУ, 2007. – 518 с.

Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Москва: Лабиринт, 2000. – 274 с.

Сиренко, О. В. Любовная интрига как структурный компонент «колониационного» сюжета русской литературы (на примере текстов XIX века о Ермаке) / О.В. Сиренко // Филология и человек. – 2009. – № 4. – С. 85-92.

Тортунова, И. А. Степан Разин как национальный архетип в творчестве В.М. Шукшина (традиции и специфика освоения образа): дис. ... канд. филол. наук / И.А. Тортунова. – Москва: МГУ, 2008. – 191 с.

Турбин, В. Н. Незадолго до Водолея: сборник статей / В.Н. Турбин. – Москва: Радикс, 1994. – 512 с.

Фрейденберг, О. М. Поэтика сюжета и жанра / О.М. Фрейденберг. – Москва Лабиринт, 1997. – 448 с.

Черносвитов, Е. В. Пройти по краю. Василий Шукшин: мысли о жизни, смерти и бессмертии / Е.В. Черносвитов. – Москва: Современник, 1989. – 237 с.

Чмыхало, Б. А. Художественное пространство в сибирском летописании XVII века / Б.А. Чмыхало // Научный ежегодник КГПУ. – 2001. – Вып. 2, т. 1. – С. 107-116.

Шукшин, В. М. Собрание сочинений: в 9 т. / В.М. Шукшин. – Барнаул: ИД «Барнаул», 2014.

Эпштейн, М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии / М.Н. Эпштейн. – Москва: Высшая школа, 1990. – 303 с.

Янушкевич, А. С. «Ермаков сюжет» в русской литературе 1820–1830-х годов / А.С. Янушкевич // Мотивы и сюжеты русской литературы. От Жуковского до Чехова. – Томск: Знамя мира, 1997. – С. 40-48.